

Вэнь Жунь считал, что такие места — особенно зал суда — не подходят для женщин. А уж тем более для тётушки Цуйхуа, которую муж выгнал из дома.

А выгнал её именно род Линь.

Он боялся, что тётушка Цуйхуа не выдержит этого.

Ей и так уже нелегко было оправиться от всего пережитого.

Когда на этот раз семья Линь пришла к ним домой, Вэнь Жунь решительно выступил против того, чтобы она появлялась на глаза. Если бы она сама потом не вышла из дома, он бы даже не позволил ей переступить порог.

Каждая встреча с семьёй Линь причиняла ей новую боль.

Да и вообще, в этом мире женщины живут несправедливо!

Мужчинам можно иметь трёх жён и четырёх наложниц, а женщине даже помыслить о чём-то подобном — уже «легкомысленная измена».

Даже простые девушки из бедных семей, выходя на улицу, должны опускать голову, а уж девушки из знатных домов и вовсе ходят в парандже и широкополых шляпах.

Некоторые аристократические семьи и вовсе воспитывают своих дочерей так, что те «ни ногой за главные ворота, ни глазом за вторые».

Единственные места, куда им дозволено выходить — разве что храмы или даосские монастыри, чтобы помолиться и поклониться богам.

Здесь, конечно, всё не так строго, но Вэнь Жуню всё равно не хотелось пускать Лю Цуйхуа в суд.

Это ведь не его прежняя эпоха! Даже там развод считался серьёзным делом, а уж здесь — тем более. К тому же это даже не развод — развод здесь скорее напоминал добровольное расторжение брака по обоюдному согласию.

А вот «выгнать жену» — это когда тебя просто отвергают, отказываются от тебя.

Кто такое выдержит?

Поэтому Вэнь Жунь отверг предложение Ма Саня:

— Я, господин сельский староста и дядя Ян, вместе с вами отправимся в уездную администрацию.

— Но если сама Лю, как заинтересованная сторона, не явится, разве это уместно? — Ма Сань на мгновение замялся, а затем добавил: — Может, лучше вам самому взять Лю с собой? Я уже проверил архивные дела: после того как третий сын семьи Линь выгнал Лю, она зарегистрировала этот факт в уездной канцелярии. Её домохозяйство было оформлено отдельно, но, вероятно, опасаясь будущей неопределённости, она перевела регистрацию в дом семьи Ян. Сейчас она числится двоюродной сестрой семьи Ян, хотя фамилию не сменила.

Видимо, Ма Сань провёл очень тщательное расследование!

Вэнь Жунь вспомнил, что изначально действительно обсуждалось оформление отдельного женского домохозяйства.

Однако, подумав об этом, он понял: у тётушки Цуйхуа ведь нет детей. Если оформить отдельную регистрацию, то после её смерти домохозяйство просто аннулируют, и даже неизвестно, где её похоронят. А если регистрация останется в Ляньхуаао, то после смерти её похоронят на местном кладбище.

Так она не станет бесприютным духом.

К тому же потомки семьи Ян точно не оставят её могилу без присмотра. По крайней мере, в течение трёх-четырёх поколений будут помнить о ней как о своей двоюродной тётушке. Ведь ещё когда Цуйхуа работала в доме старого Вана, заранее договорились: половина её заработка шла на старость, а другая половина — тётушке Ян, чтобы та могла отправить троих детей учиться.

— Значит, я сам поведу её туда, — решил Вэнь Жунь. Ни за что он не допустит, чтобы Лю Цуйхуа отправилась в уездную канцелярию одна, — поэтому и сам поеду с ней.

Ма Саню больше нечего было возразить.

В тот же вечер он со своими людьми заночевал в доме сельского старосты и, похоже, о чём-то поговорил с начальником участка Ма и другими.

А сам Вэнь Жунь в тот вечер тоже оказался в затруднительном положении. После ужина он специально послал Чэнь Сюя пригласить тётушку Цуйхуа в свою библиотеку.

Для Вэнь Жуня это помещение было просто местом, где он обычно читал книги и писал. Конечно, иногда здесь же он принимал близких друзей для бесед.

Однако для домочадцев это помещение было священным.

В обычное время даже слугам-работникам вход сюда был запрещён, не говоря уже о женщинах, которые и грамоте-то не обучены.

Даже жена Чэнь Цяна, хоть и умела читать, всё равно сюда не допускалась.

Обычно здесь бывал только Чэнь Сюй. Он отвечал за уборку, расстановку и приведение в порядок книг и свитков. За такую работу все слуги в доме ему завидовали. Встречая Чэнь Сюя, даже взрослые работники обращались к нему либо как «молодой господин Чэнь», либо, если были старше, — «мальчик-Сюй».

Никто никогда не считал его простым слугой. Во-первых, потому что сам Вэнь Жунь, даже неосознанно, относился с уважением ко всем людям — точнее, ко всем живым существам. Во-вторых — ведь Чэнь Сюй умел читать!

Более того, когда учитель отсутствовал дома, Чэнь Сюй даже исполнял обязанности младшего наставника. Правда, он не обучал детей чтению, но следил, чтобы они усердно практиковались в письме. Ведь когда Вэнь Жуня не было дома, дети должны были оставаться в частной школе и упражняться в каллиграфии — только упорная практика делает почерк красивым.

В простых семьях никто не знал грамоты и не мог отличить, действительно ли ребёнок старается писать аккуратно или просто рисует каракули, лишь бы обмануть родителей. Здесь же обмануть было невозможно: Чэнь Сюй не только умел читать, но и сам прекрасно писал.

С тех пор как частную школу перенесли в другое место, никто больше не имел права свободно входить за вторые ворота. Даже передний двор стал очень тихим — здесь теперь бывали только работники. Чэнь Сюй переоборудовал прежнее школьное помещение во внешнюю библиотеку и сам поселился там.

Однако маленькая личная библиотека Вэнь Жуня осталась на прежнем месте.

Когда Чэнь Сюй пришёл пригласить тётушку Цуйхуа, та глубоко вздохнула и, немного побоявшись, вошла в комнату.

— Господин... — Тётушка Цуйхуа снова надела свою прежнюю одежду, выглядела как всегда, только с грустным, подавленным видом. — Вы... хотите, чтобы я собрала вещи и ушла?

— Ушла? — Вэнь Жунь удивился. — Куда ушла?

— Не притворяйтесь, господин, — горько улыбнулась Цуйхуа. — Такой отвергнутой женщине, как я, и то счастье, что нашлось место, где можно работать и спокойно прожить остаток дней. Кто мог подумать, что из-за меня сюда явятся такие, как семья Линь! Они не только громко ругались у входа в деревню, но даже подняли руку на вас, господина-цзюйжэня! Уже несколько дней я думаю об этом: если вы решите меня уволить, в этом нет вашей вины. Я сейчас же

соберу свои вещи и вернусь в дом старого Яна по соседству. Если сестра с мужем не сочтут меня обузой, я стану у них нянькой и буду присматривать за тремя племянниками. А если посчитают, что я им мешаю, тогда уйду в монастырь — либо в Байюньань, либо в Цзиньхуагуань. Стану монахиней, проведу остаток жизни у лампады и древних статуй Будды, буду день за днём молиться и читать сутры, чтобы боги и Будда хранили моих близких и друзей, даруя им мир и благополучие на всю жизнь.

Её план был продуман до мелочей, разумен и вполне осуществим.

— За эти дни жена Чэнь Цяна немало тебя научила, верно? — усмехнулся Вэнь Жунь. — Раньше ты так себя не называла.

«Ну-ка, „отвергнутая женщина“...» Да ещё и знает, что такое «гуцзы»!

Хотя, впрочем, неважно, буддийский монастырь или даосский: в буддийском — нянгу (буддийская монахиня), в даосском — даогу (даосская монахиня). Всё равно в народе их называют «гуцзы» — так что ошибки нет.

— Она просто иногда в разговоре так выражается, — тихо ответила Лю Цуйхуа. — Я всего лишь необразованная крестьянка, отвергнутая мужем. А она воспитана, умна и образованна — не сравнить со мной. Когда обучает барышень, всегда очень старается. Там, в знатных семьях, столько правил... Я не запомню и половины. Но стараюсь запомнить хотя бы то, что могу. Раньше ваш дом был просто домом сына суйцая, и всё было проще. А теперь вы — цзюйжэнь! В доме бывают одни учёные, и я не должна вас опозорить... Хотя теперь, пожалуй, даже этого права у меня нет.

Голова её склонилась вниз, и крупные слёзы капали с щёк прямо на пол, оставляя мокрые пятна у носков её обуви.

— Ты слишком много думаешь, — мягко сказал Вэнь Жунь. — Я и в мыслях не держал тебя увольнять, тётушка Цуйхуа. Мы всегда так тебя звали, и ты ведь чувствуешь: в этом доме я отношусь ко всем с уважением. Дело семьи Линь — не твоя вина. Да, они пришли сюда из-за того, что ты здесь работаешь, но ведь они не стали устраивать скандал у моих ворот — их остановили ещё у входа в Ляньхуаао. Значит, это уже дело всей деревни. Я позвал тебя, чтобы обсудить одно дело.

Тон Вэнь Жуня заставил Цуйхуа поднять голову. На лице у неё остались следы слёз, глаза покраснели.

Но она и представить не могла, что дело, о котором собирался говорить Вэнь Жунь, не имело к её страхам никакого отношения.

— Прибыл Ма Сань. Он привёл людей, чтобы вызвать нас в уездную канцелярию. Дело это не подведомственно совету старейшин, ведь оно напрямую касается меня. Третий сын семьи Линь

поднял на меня руку — и всё это видел сотник Ван, так что отрицать не получится. Да и Ма Сань с людьми сразу же арестовал его.

Вэнь Жунь предложил тётушке Цуйхуа сесть, а Чэнь Сюй принёс кисло-сладкий умэйтан (напиток из кислых слив). В этом доме все — и стар, и млад — любили этот освежающий напиток. Цуйхуа не стала исключением.

Выпив полчашки умэйтаня, она наконец пришла в себя:

— Значит, мне придётся явиться в уездную канцелярию и давать показания в суде?

— Почти так, — кивнул Вэнь Жунь. — Ты — причина, по которой они сюда пришли. Но мы всё сделали правильно: все документы в порядке, у тебя на руках есть письмо о разводе, и ты давно уже не имеешь никаких связей с семьёй Линь. На этот раз они сами нарушили закон, да ещё и хотели заставить тебя вернуться к ним в качестве наложницы! В этом мире такого не бывает и быть не может.

— Да и кроме того, они посмели поднять на меня руку, — добавил он строго. — Вне зависимости от причины, нападение на человека с учёной степенью цзюйжэня — это тягчайшее преступление, «противление старшим»!

В древнем феодальном обществе сословные границы были чёткими и нерушимыми. Никто не осмеливался нарушать эту систему — ведь все жили внутри неё. Если бы каждый мог безнаказанно поднимать руку на учёного с учёной степенью, то какое тогда было бы государство?

Даже в эпохи смены династий «ши» (сословие учёных) никогда не гнули спину. Так было раньше — так остаётся и сейчас.

Даже в прошлой жизни Вэнь Жуня люди, преуспевшие в учёбе, всегда вызывали восхищение. Особенно те учёные-исследователи, которые всю жизнь посвятили науке: пусть их имена и остаются неизвестными широкой публике, но уважение к ним всегда велико.

Поэтому семья Линь совершила не просто проступок — они посягнули на основы сословия «ши».

Если за это не наказать — и притом сурово, — справедливости не будет.

— Выходит... семье Линь конец? — дрожащим от волнения голосом спросила Лю Цуйхуа. — И Линь Сань-эр больше не появится?

— Конкретное наказание пока неизвестно, — сказал Вэнь Жунь. — Придём и узнаем. Собирайся: завтра поедем со мной в уездную канцелярию. У тебя ведь осталось то...?

— Письмо о разводе? — оживилась тётушка Цуйхуа, будто в ней вновь загорелась искра жизни, и даже видно было, как сразу улучшилось её настроение и появилась бодрость. — Конечно, оно у меня! Храню его бережно.

— Отлично! — обрадовался Вэнь Жунь. — С ними у тебя больше нет никакой связи. Если ещё раз попытаются приставать — сразу же подай прошение уездному судье, пусть защитит тебя.

— Именно так! — улыбнулась Лю Цуйхуа, и даже зубы показала от радости. — Мы же пострадавшие! Пойдём в суд — и будем громко, но справедливо требовать правосудия!

После этого Лю Цуйхуа сразу же занялась сборами. Ведь им предстояло провести в уезде как минимум одну ночь, а может, и две-три. Лето стояло знойное, люди сильно потели, поэтому сменной одежды нужно было взять побольше.

Она собирала не только свои вещи, но и всё необходимое для господина: одежду, чай... Господин летом пил только зелёный чай, ни в коем случае не чёрный.

Всю ночь она провозилась с упаковкой. На следующий день встала очень рано — точнее, ещё глубокой ночью. Летом рассветает рано, и они уже на заре принялись готовить завтрак.

Семья Лао Лю специально сварила тофунао (тофу-пудинг). Весть об этом быстро разнеслась по всей деревне, и все потянулись к ним за порцией.

Семья Лао Вань вообще заказала целый котёл. Жена Чэнь Цяна заказала две большие порции тофунао и, вернувшись домой, добавила крахмальный соус и бульон — и получилось солёное блюдо, а не сладкое, как обычно едят на юге.

Дело в том, что их господин-цзюйжэнь предпочитал именно солёный тофунао и не ел сладкий. Вкус у него был не такой, как у местных.

Но все давно привыкли к солёному варианту — раньше-то и возможности особо не было есть тофунао, так что привычки в еде ещё не устоялись.

После завтрака Вэнь Жунь, зевая, забрался в повозку. У него была единственная в деревне крытая карета, поэтому он велел и тётушке Цуйхуа садиться туда же.

Ещё до восхода солнца они уже добрались до входа в деревню, где их ждали Ма Сань и его люди.

— И вы тоже рано поднялись! — крикнул возница Лю Сань, знакомый с Ма Санем, и кивнул ему в знак приветствия.

— Без раннего подъёма не обойтись! — ответил Ма Сань. — Надо успеть всё закончить до обеда, чтобы никому не мешать пообедать.

Теперь он совсем не походил на прежнего себя: был одет в официальную форму уездного чиновника, аккуратно причёсан и выглядел вполне представительно — настоящий бодрый и собранный мужчина.

Оба — и Ма Сань, и Лю Сань — были третьими сыновьями в своих семьях. Вспомнив ещё и про Линь Сань-эра, тоже третьего сына, Вэнь Жунь невольно усмехнулся.

А потом вдруг вспомнил, что в его прошлой жизни слово «сяо сань» («третье лицо») — это уничижительное прозвище для любовницы. И тут ему стало не до смеха: ведь именно так поступили с тётушкой Цуйхуа — её выгнали, чтобы на её место взяли «сяо сань», которая потом родила детей Линь Сань-эру и стала его женой.

Столько «третьих» вокруг — голова кругом!

В карете было душно, и Вэнь Жунь без остановки махал веером.

— Проклятая семья Линь! Неужели нельзя было устроить этот скандал в другое время? Обязательно надо было в разгар лета заявиться! Вчера только дождь прошёл, а сегодня жара такая, что можно зажариться! — ворчал он. — Да ещё и в самые жаркие дни «саньфу»!

Температура будто в бане — просто задыхаешься.

Тётушка Цуйхуа взяла пальмовый веер и тоже стала обмахивать господина. Она понимала, что он не на неё сердится, а просто страдает от зноя, и мягко сказала:

— Сейчас-то ещё прохладно. А вот в уезде будет гораздо жарче. Днём ещё сильнее припечёт. Но, думаю, к тому времени мы уже будем сидеть в тени и отдыхать. Немного потерпим.

— Ладно, — Вэнь Жунь вытер пот со лба и шумно втянул носом воздух. — Лето — точно не время для поездок.

Он предпочёл бы ехать сквозь метель и вьюгу, чем под палящим солнцем.

Кстати, именно потому, что сейчас лето, его карета была специально переоборудована. Весной, осенью и зимой её покрывали плотной промасленной тканью — от ветра, дождя и хоть немного для тепла.

А летом вместо толстой ткани использовали лёгкую прозрачную промасленную материю. Вместо деревянных стенок спереди и сзади вешали бамбуковые занавески из провинции

Хунань, а окна прикрывали тонкой прозрачной тканью — чтобы внутри создавался лёгкий сквознячок и не было душно.

Правда, из-за таких «дырявых» стенок снаружи иногда можно было разглядеть, чем заняты сидящие внутри.

Именно поэтому Вэнь Жуню не составляло труда взять с собой в карету тётушку Цуйхуа: в такой продуваемой, открытой со всех сторон повозке что может случиться между мужчиной и женщиной?

Тем более что один — молодой, образованный господин, а другая — женщина в годах.

Однако Ма Сань всё равно то и дело подходил к карете и заглядывал внутрь. Вознице Лю Сань-эру это стало казаться странным:

— Эй, Ма Сань, ты чего всё пялишься?

— Да так... — ответил тот, смущённо отводя взгляд. — Просто интересно, чем отличается выезд цзюйжэня? Вон даже веером ему машут! — добавил он, заметив, как Лю машет пальмовым веером господину.

<http://bllate.org/book/15642/1398123>